

АНТИЧНЫЙ
МИР

ИСТОРИЯ АФИНСКОЙ ДЕМОКРАТИИ



В.П.
Бузескул

Античный мир

Владислав Бузескул

История афинской демократии

«ВЕЧЕ»

Бузескул В. П.

История афинской демократии / В. П. Бузескул — «ВЕЧЕ»,
— (Античный мир)

ISBN 978-5-4484-7798-0

Книга выдающегося российского историка Античности Владислава Петровича Бузескула (1858—1931), впервые изданная в 1909 г., может быть названа одним из самых серьезных исследований политической истории Афинской республики на русском языке. Несмотря на более чем вековой возраст, труд Бузескула не потерял своей научной ценности. Полнота фактов, безупречность научных суждений и хорошее литературное изложение делают книгу увлекательной и доступной для широкого круга читателей.

ISBN 978-5-4484-7798-0

© Бузескул В. П.
© ВЕЧЕ

Содержание

Предисловие	5
Введение	6
Общий ход греческой истории с VIII по VI в. до Р.Х.	6
Падение царской власти и владычество знати	6
Колонизация, экономический переворот и возвышение демоса	10
Борьба демоса с аристократией и тирания	14
Демократия в Афинах	19
I. Начало	19
Переход от монархии к архонтату	19
Килонова смута, законодательство Драконта и экономический кризис	24
Солон	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Бузескул Владислав Петрович

История афинской демократии

Предисловие

Едва ли надо говорить о том, какой интерес может представлять история афинской демократии, особенно если стать на точку зрения современного направления в области изучения греческой древности. С этой точки зрения античный мир является нам не миром *sui generis*, далеким и чуждым, а близким и понятным, имеющим много аналогий с так называемыми Средними и новыми веками и с современностью. «В древности преобладали, хотя на гораздо меньшем пространстве и в иных формах, те же влияния и противоположности, которые управляют и современным развитием», – говорит, например, Эд. Мейер, автор новейшей капитальной «Истории древности». «Древний мир волновали те же жизненные вопросы, которые еще и теперь, отчасти не решенные, занимают каждого мыслящего человека», – такова основная идея, которая красной нитью проходит через работы другого видного представителя современной исторической науки, Р. фон Пёльмана, интересующегося преимущественно социально-экономическими отношениями в древности... Направление это иногда впадает в крайность, слишком модернизирует древность, но в его основе много верного.

Издаваемая книга посвящена предмету, которого отчасти я касался еще в работе моей молодости – в «Перикле» (1889), – назад тому двадцать лет, и затем в своем исследовании об «Афинской политике» Аристотеля (1895). Многие страницы из этих работ в нее вошли – конечно, с необходимыми изменениями. Кроме того, в основу ее легли соответствующие отделы общего курса греческой истории, читаемого мной в Харьковском университете. Можно сказать, что настоящая книга представляет собой обработку главной части этого курса.

При изложении истории афинской демократии я имел в виду не только самый строй и учреждения, но и среду, воззрения, настроения. Этим объясняется, почему я так часто пользуюсь Аристофаном или, например, Еврипидом. Я старался взглянуть на афинскую демократию объективно, по возможности изобразить ее такой, какой она была в действительности, с ее светлыми и темными сторонами, не черня и не идеализируя ее, ибо, говоря словами «старого мастера исторической науки» Л. Ранке, идеал всегда заключается в том, чтобы представить историческую правду, – «denn Ideal ist immer die historische Wahrheit der Welt zu vergegenwärtigen».

Эту книгу я предназначаю не столько для специалистов, сколько для более широкого круга – для университетских слушателей, для ищущих самообразования, для интересующихся историей, в особенности историей политических форм. Поэтому я избегал вдаваться в мелкие подробности, касаться запутанных и спорных вопросов, пускаться в сколько-нибудь рискованные гипотезы. Я не желал загромождать книгу подстрочными примечаниями и ограничился лишь самыми необходимыми, краткими библиографическими указаниями и ссылками, не отмечая подробно в каждом отдельном случае, кому и чем я обязан, что мной заимствовано и в чем я расхожусь с другими. В конце приложены список важнейших общих трудов по истории Греции и афинской демократии, поправки и добавления. Подробные ссылки и указания на источники и новую литературу можно найти у Бузольта.

В. Бузескул
Харьков. 1908 г., 24 ноября

Введение

Общий ход греческой истории с VIII по VI в. до Р.Х

Падение царской власти и владычество знати

В эпоху так называемой микенской культуры, которую открыл Шлиман и расцвет которой относится приблизительно за полторы тысячи лет до Р. Х., в Греции была сильная монархическая власть, хотя и тогда единого государства там, по-видимому, не существовало. Памятники того времени – «циклопические» стены из колоссальных каменных глыб; обширные дворцы, богато украшенные, с живописью на стенах, иногда с целым лабиринтом зал, коридоров и комнат, с магазинами и кладовыми для запасов; могилы, очевидно – царские, то в виде шахт или глубоких ям, в которых тела иных покойников оказываются засыпанными драгоценностями всякого рода, то в виде величественных куполообразных сооружений, роскошно отделанных, – все это красноречиво говорит нам не только о сравнительно развитой технике, о богатой внешней культуре, некогда процветавшей преимущественно по берегам и островам Архипелага, о тесных сношениях с восточными странами и т. п., но и о типе государств микенской эпохи, о том, что тогдашние цари были могущественными властелинами, что в их распоряжении сконцентрированы были силы подвластного им населения, масса рабочих рук, огромные материальные средства.

Среди переворотов, наступивших в конце II тысячелетия до Р. Х., – тех племенных переселений, из которых главным является вторжение дорийцев в Пелопоннес, – пали «микенские» царства и пышная микенская культура. Цари последующей, гомеровской эпохи (за 1000—800 лет до Р. Х.), известной нам по «Илиаде» и «Одиссее», резко уже отличаются от царей эпохи микенской, строителей громадных стен, дворцов и гробниц. Правда, они царствуют «божьей милостью», получают скипетр от самого Зевса; но это – не восточные деспоты и не монархи со всей полнотой неограниченной власти: гомеровский царь, особенно в «Одиссее», скорее *primus inter pares*, первый между равными; его окружают представители знатных родов, «геронты», «старцы» или старейшины, с которыми он «думает», совещается и делит свою власть; это – его сотрапезники, советники и ближайшие помощники.

В гомеровскую эпоху существует и народное собрание, которое в «Илиаде» тождественно с собранием войска, аналогично тому, что мы видим и у древних германцев. Но роль этого собрания еще ничтожна. Обыкновенно ему оставалось лишь выслушивать решение царя и геронтов. Голосования не происходило, и собрание выражало свое одобрение бурным криком, по выражению поэта, подобным шуму, когда ветер вздымает «волны огромные моря» и бросает валы о нависший утес или когда «бурный зефир наклоняет высокую ниву, то подымаясь грозно, то падая вдруг на колосья». Иногда отдельные личности вроде Терсита решаются выступать с резкой речью против вождя-царя, но масса не поддерживает их; народ смеется и выражает сочувствие Одиссею, когда тот наносит побои Терситу («Илиада», II песнь).

В период с VIII до VI до Р.Х. столетия включительно мы видим в Греции ряд важных внутренних переворотов или, точнее, перемен: падение царской власти и господство аристократии, затем борьбу народа, демоса, против этой аристократии, владычество тиранов и, наконец, переход к демократии или к более умеренной аристократии. Перемены эти совершаются с замечательной последовательностью и происходят почти повсеместно в Греции. Уже одна эта повсеместность показывает, что они вызваны были не частными, случайными причинами,

а причинами более общими и глубокими, коренившимися в самом ходе развития греческого общества, – в том историческом процессе, который совершался тогда в Греции.

К середине VIII в. монархическая власть исчезает почти всюду в Греции. Как исключение и своего рода «культурный пережиток», сохранилась она в Аргосе, в Спарте да на окраине греческого мира, у отставших в культурном отношении полуварварских племен, например у молоссов в Эпире. Но в Аргосе, где цари упоминаются еще во время Персидских войн, это была лишь тень прежних монархов; в Спарте царская власть тоже утратила свое настоящее значение, свою сущность, и сохранила скорее лишь внешние атрибуты.

Падение монархии в Греции произошло постепенно, без крупных потрясений. Уже в гомеровскую эпоху царь был в сущности только первым между равными ему представителями знатных родов. Между царем и его родом, с одной стороны, и знатными, могущественными фамилиями – с другой, не было резкой разницы; их не отделяла какая-либо непродолимая грань. Знатные, подобно царю, нередко вели свое происхождение от богов и героев; их тоже называли иногда «царями». В период переселений и завоеваний царская власть была еще необходима; но по миновании его миновала необходимость и в царской власти. Теперь уже не было такой нужды в сосредоточении власти в одних руках. Самые природные условия Греции, устройство ее поверхности, далеко не способствовали образованию единого государства с сильной центральной властью. В Древней Греции всегда было много отдельных, самостоятельных небольших государств, и там развился тип государства-города. А в таких небольших государствах легко было обойтись и без царя. Притом тут особа царя не могла быть окружена ореолом величия подобно тому, как на Востоке; она не казалась чем-то таинственным и грандиозным; она была, так сказать, на виду у всех, со всеми ее человеческими слабостями и недостатками. Наконец, царь гомеровской эпохи в своем лице соединял обязанности военачальника, правителя, судьи и жреца. Но с течением времени политическая жизнь развивалась. Отношения делались сложнее, и являлась необходимость в расчленении прежде единой власти.

Монархия прежде всего падает в греческих колониях, в городах малоазийского побережья: здесь легче было отрешиться от прошлого, от традиционного уважения к царской власти; на новой почве, среди новых условий, легче было возникнуть и новому порядку, новым формам политической жизни, не говоря уже о том, что в этих колониях, особенно в Ионии, исторический процесс вообще совершался быстрее и скорее обнаруживались новые явления в жизни греческого общества.

Итак, в VIII столетии до Р. Х. монархия в Греции уступает место аристократии, причем эта перемена совершается большей частью не путем революции, а путем эволюции. Иногда власть от царя переходит в руки целого царского рода. Так было, например, в Коринфе, где стала властвовать фамилия Бакхиадов, к которой принадлежали и прежние цари. Случалось, что потомки царей удерживали свой титул; за ними оставались жречество и некоторые привилегии или же этот титул переносился на сановника и членов коллегии, носивших обязанности сакрального характера.

Новейшие ученые – и в их числе Эд. Мейер, автор капитальной «Истории древности», – называют период от переселения племен и до возвышения демоса, эпоху Гомера и могущества знати, греческим «средневековьем». И действительно, в тогдашней Греции мы видим черты, напоминающие нам Средние века Западной Европы. Общественные группы и наследственные сословия резко разграничены. Господствующее положение занимает землевладельческая военная знать, разделенная на роды (γένος), проникнутая сословным сознанием, корпоративным духом, сражающаяся сначала на колесницах, потом верхом на коне, любящая войну, рыцарские подвиги, охоту и пиры. При дворах знатных певец – желанный гость; это – эпоха героической песни, позднее – лирики и новеллы. Чем для средневекового Запада были рыцарские турниры, тем для греков того времени были Олимпийские и им подобные игры, с их ристаниями и состязаниями. Слабый ищет защиты сильного, и у тогдашних аристократов Греции была

многочисленная клиентела. Мы видим крестьян в положении людей более или менее зависимых, начиная от смягченных форм крепостничества и до полной закабаленности; видим господство натурального хозяйства, по крайней мере, в первой половине греческого Средневековья, ремесло – презираемым и мало развитым¹...

Аристократы как класс носили в Греции различные названия: их называли обыкновенно «хорошими», «лучшими» (ἀριστοί, отсюда и самое слово «аристократия» и «аристократы»), «благородными»; «эвпатридами», иногда «богатыми» и даже «жирными», подобно тому, как в Средние века в Италии городской патрициат назывался *popolo grasso*. Простой народ противопоставлялся им как «дурные», «худые» или «худшие», «подлые» люди.

Основой могущества и влияния греческой знати было, во-первых, происхождение. Если впоследствии даже в демократических Афинах благородное происхождение имело большое значение и считалось «великим и почетным жребием»; если еще Аристотель говорил, что в наилучшем государстве ремесленник не пользуется правом гражданства, что тот, кто ведет жизнь ремесленника или поденщика, не может развивать в себе гражданской доблести, что для этого и для участия в государственных делах нужен досуг; то тем более во времена греческого Средневековья и владычества аристократии господствовало убеждение, что только знатный и богатый человек, не обремененный заботами о насущном хлебе, может заниматься государственными делами. Ремесленники и вообще демос, трудящийся в поте лица, еще считались не достойными принимать участие в управлении.

Но могущество знати основывалось не на одном только происхождении. В те времена знатность соединялась с богатством и аристократы были в пору своего владычества самым богатым классом в Греции. В их руках сосредоточивалась крупная земельная собственность. Кроме того, у знатных были многочисленные стада скота. Но особенно любили они содержать коней: хорошие кони – необходимая принадлежность тогдашнего аристократа; это – его гордость. Высшее сословие в некоторых греческих городах даже носило название «всадники». В домах знати имелись богатые запасы металлов, оружия, утвари, всякого рода припасов, вина и проч. Когда впоследствии стала развиваться торговля и возвысился торговый класс, то аристократы, например, Эгины и некоторые другие, приняли участие и в торговом движении. Но все же землевладение оставалось главной основой богатства знати.

Аристократы были и главной военной силой. Еще Аристотель принципом аристократии выставлял доблесть, подобно тому как принципом демократии, по его словам, была свобода. Располагая материальными средствами и досугом, аристократы могли проходить школу своего рода рыцарского воспитания; они могли предаваться военным упражнениям, гимнастике, играм и т. п. В ту пору главную силу на войне составляла конница. Но чтобы иметь колесницу и соответствующее вооружение, содержать коней, нужно было располагать большими средствами, слугами, челядью. Всем этим располагали аристократы. Аристотель по этому поводу замечает, что тем, кто небогат, нелегко содержать коней; поэтому в древние времена в городах, сила которых была в коннице, господствовала олигархия.

Аристократы были обладателями и тогдашнего образования. Оно было еще мало распространено и тоже соединялось обыкновенно со знатностью и богатством. Аристократы являлись знатоками и толкователями обычаев и права, хранителями старины и традиции. Они были судьями и жрецами; некоторые жреческие обязанности связаны были с известными фамилиями.

Таким образом, в те времена аристократия была не только политической, но и социальной, военной и культурной силой. Немудрено, что ей принадлежало владычество.

¹ Meyer Ed. Geschichte des Altertums. Bd. II. Stuttgart, 1893. S. 291 f. Ср. также у К.Ю. Белоха, Р. фон Пёльмана и др.; кроме того: Dondorff H. Adel und Bürgertum im alten Hellas // Historische Zeitschrift. Bd. LXVII. 1891. S. 212 f.

И в лучшую свою пору аристократия смотрела на свое владычество не только как на право и привилегию. Она понимала, что *noblesse oblige*. Она служила обществу и государству, и в мирное, и в военное время, в совете и на поле битвы. Она отправляла дорого стоившую военную службу и щедро выполняла общественные повинности. Тогда аристократы в известном смысле действительно были *ἀριστοί* «лучшие» мужи, и с честью несли лежавшие на них обязанности.

Но с течением времени замечается нравственный упадок аристократии, деморализация и разложение ее. Сыновья часто не были похожи на своих отцов, которые, как мы сказали, с честью несли свою службу государству и обществу. Новые поколения расточали богатства, предавались наслаждениям, забавам и роскоши. Недаром издавались законы против излишней пышности. Сыновья знатных росли среди неги и роскоши, тогда как молодое поколение демоса среди труда и забот закалялось в борьбе за существование. Наконец среди аристократии обнаруживается и разлад, происходят раздоры и соперничество, борьба отдельных лиц и фамилий за власть. Разумеется, это не могло способствовать упрочению могущества знати.

Было время, когда знатный человек оказывал во многих случаях покровительство и защиту слабому, простому, когда он был для демоса «кремлем и башней», по выражению поэта². Но, в общем, положение народной массы с падением царской власти не улучшилось, а скорее ухудшилось. Прежде царь мог стать посредником между знатными и простым народом; в его даже интересах было оказывать покровительство демосу, чтобы иметь в нем опору против могущественной знати и ее притязаний. Теперь же простой народ был всецело в руках правящей аристократии, и ее владычество вскоре стало для него тяжелым игом. К тому же с VII в. в экономической жизни Греции происходит перемена, которой мы будем еще касаться и которая не могла не повлиять на ухудшение отношения знатных к народной массе: начинается переход к денежному хозяйству, появляются первые признаки капитализма, обнаруживается страстная погоня за деньгами. Прежние патриархальные отношения уступают место эксплуатации и большему произволу. Тут влияли не только личная корысть и алчность, но и более общие причины. С распространением денег и с переходом от чисто натурального хозяйства к денежному цены повышались, жизнь становилась дороже. А между тем *noblesse oblige* (благородное происхождение обязывает, *фр.* – *Примеч. ред.*). Родовой знати приходилось состязаться с возвышавшимся новым классом, богатыми купцами, промышленниками, своего рода капиталистами. Надо было поддержать свое достоинство, сохранить общественное положение, соответственное знатности. Иные аристократы сами принимались за торговлю; но для большинства земля оставалась по-прежнему главным источником дохода, и чтобы добыть новые средства, приходилось выжимать их из земли, повышать с крестьян аренды, поборы, повинности, без пощады относиться к неисправным плательщикам.

Слабому трудно было найти правды и защиты против сильного: и господами, и судьями были знатные. Жалобы на тяжелую долю земледельца, на беззащитность слабого и в особенности на отсутствие правды в судах, мы встречаем уже за 700 лет до Р. Х. у Гесиода в его «Трудах и днях»³. Мрачными красками рисует Гесиод современный ему век – «век железный», когда люди обречены весь день страдать от труда и тяжелых забот, не иметь отдыха даже ночью. «Позднее родиться или раньше умереть» хотел бы поэт, чтобы только не быть современником этого поколения, испорченного и преступного. Но зло станет еще хуже, и тогда, «прикрыв прекрасное тело одеждой белой, с земли широкой улетят на небо и Стыд, и Совесть», оставив смертным людям тяжкие печали, и не будет защиты против зла. В поучение правителям⁴

² Феогнида, ст. 234, *Poetae lyrici Gratici*. Lips. 1866. 11).

³ Есть русский перевод Г.К. Властова. СПб., 1885.

⁴ Гесиод называет их βασιλείς, «цари»; но, вероятно, тут следует подразумевать знатных, в руках которых был суд: титул «цари» применялся и к ним, а из контекста видно, что речь идет главным образом о судьях.

Гесиод приводит басню о ястребе и соловье. Ястреб схватил соловья «сладкозвучного» и нес его высоко в облаках, вонзив в него свои кривые когти, и когда тот начал жалобно стонать, то ястреб обращается к нему с такими словами: «Чудак! Чего ты кричишь? Ведь ты во власти более сильного. И отправишься туда, куда потащу, хоть ты и певец. Захочу – съем, захочу – выпущу. Безумец тот, кто захочет бороться с сильным: и победы лишится он, и сверх того испытает горечь унижения». «Так говорил быстролетный ястреб, ширококрылая птица». Неправый торжествует благодаря правителям-«дароедам», по выражению Гесиода, т. е. берущим подарки, взятки. В судах нет правды: ее изгнали правители-«дароеды», которые, как хотят, так и судят и постановляют несправедливые решения. Поэт грозит гневом и карой Зевса, который все видит, все наблюдает – и правду, и злые дела – и который каждому воздаст по делам. Есть еще дева Дика, Правда, рожденная от Зевса, и она ему поведает о нанесенных ей обидах, о несправедливости людей.

Неудивительно, что владычество аристократии стадо вызывать неудовольствие и ропот, и против этого владычества обнаружилась оппозиция.

Между тем в Греции наступали новые условия, которые в свою очередь отразились неблагоприятно на положении аристократии, и выдвигался новый класс – возвышался демос.

Тут мы должны обратиться к другим сторонам того исторического процесса, который совершался тогда в Греции.

Колонизация, экономический переворот и возвышение демоса

Было бы ошибочно думать, будто историческая жизнь тогдашней Греции сосредоточивалась преимущественно в таких пунктах, как, например, Спарта или Афины. По верному замечанию одного историка, центр тяжести греческой истории от 1-й Олимпиады, т. е. с 776 г. до Р. Х., и до середины VI в. следует искать не у эллинов в Европе, но на периферии греческого мира: полный, настоящий пульс жизни греческого народа бьется до половины VI века преимущественно в ионийских колониях Малой Азии.

Колонии эти шли во всех отношениях впереди метрополии. До V в. это был центр политической, умственной и художественной жизни греков. Ни один город собственной Греции, ни Афины того времени, ни тем более Спарта не могли выдержать сравнения с городами-колониями вроде, например, Милета на востоке и Сибариса на западе. Колонии, особенно в Малой Азии, могущественнее, богаче городов метрополии. В них кипит торговая и промышленная деятельность, жизнь бьет ключом. Здесь умственный кругозор был шире; греки сталкивались или сближались не только друг с другом, но и с иными народами, знакомились с их строем, их культурой; завязывались сношения с различными странами, иногда весьма отдаленными, – с понтийскими берегами, Египтом, далеким Западом. Здесь образуется многочисленный класс моряков и купцов; получает особенное значение движимая собственность, деньги. Развитие во всех сферах идет тут быстрее. В колониях, как упомянуто, легче было отрешиться от традиции, и тут раньше совершается ряд тех политических перемен, которые характеризуют рассматриваемый период греческой истории, т. е. смена монархии аристократией и затем переход к более умеренной аристократии, к тимократии или же к демократии. В Ионии, по замечанию Э. Курциуса, впервые гражданское равенство поставлено было принципом общественной жизни. Здесь же, в Малой Азии, развивается и греческая поэзия – эпос и лирика, – развивается искусство. Малоазийские колонии, в особенности Иония, родина и греческой науки, и греческой философии...

Греческая колонизация, начавшаяся еще до переселения племен, усилилась после этого переселения, в особенности после вторжения дорийцев в Пелопоннес, а в VIII—VII столетиях достигла своего высшего развития.

Колонизация вызывалась, прежде всего, ростом населения, ощущавшимся недостатком земли и трудностью добывать пропитание при тогдашних условиях хозяйства и землевладения. Переселенцы, во главе которых нередко становились лица, принадлежавшие к знатным родам, искали сначала плодородной земли, и первые греческие колонии имели характер, так сказать, земледельческий. Затем племенные переселения и завоевания, а еще позднее внутренние смуты, борьба партий, тирания, должны были послужить могущественным толчком для основания колоний и усилить колонизацию. Многие предпочитали покинуть родину и искать нового местожительства на чужбине, нежели покориться победителю. Тираны посредством основания колоний старались избавиться от опасных для них элементов. Основание колоний служило и социальной мерой; в них направляется избыток населения. Впоследствии же чаще всего колонии основывались в торговых видах. Словом, колонии для греков играли, можно сказать, ту же роль, что Новый Свет для Западной Европы в новые века.

Природные условия препятствовали распространению греческой колонизации сухим путем. Зато и географическое положение Греции, и близость моря, и устройство берегов, изрезанных удобными бухтами, и соседство множества островов – все это влекло к морю, к мореплаванию, к основанию колоний за морем. Прибавим к этому сам характер народа, большей частью живой, предприимчивый, непоседливый, и мы поймем, почему греческая колонизация достигла такого развития.

Греция по устройству своей поверхности и очертанию берегов обращена, так сказать, лицом к востоку. И колонизация направлялась сначала на восток. На запад греки стали проникать гораздо позже. Это и понятно: западный берег Греции не так удобен для морских сношений и самое плавание на запад сопряжено с большими затруднениями и опасностями. Основание греческих колоний в этой части Средиземного моря относится уже всецело к рассматриваемому периоду, ко второй половине VIII и к VII в. до Р. Х. И греческие колонии широко раскинулись на далеком пространстве – от берегов Испании до устьев Дона и берегов Кавказа с одной стороны, от устьев Роны и северного побережья Черного моря до устьев Нила⁵ и северного берега Африки – с другой. Они обрамляли, иногда с большими, конечно, перерывами, берега морей Средиземного и Эгейского, Пропонтиды и Понта. Далеко в глубь соседних стран колониальные владения греков не простирались. По образному выражению Цицерона, это была кайма у широкой ткани варварских земель, а по другому сравнению (у Платона в «Федре»), греки сидели вокруг Средиземного моря, словно лягушки вокруг пруда. Даже на западном побережье Малой Азии греческие города занимали хотя и сплошную, но узкую полосу (расширявшуюся лишь в Эолиде), причем для поселений избирались преимущественно устья рек. В качестве купцов или наемников греки заходили и дальше намеченных пределов. Со времени династии Псамметиха они проникали, например, в глубь Египта, даже к самым Нильским водопадам, как свидетельствует об этом надпись, начертанная в Абу-Симбеле греческими воинами. А плаванья греков на запад простирались до Геркулесовых Столпов, т. е. до нынешнего Гибралтара, и даже несколько далее.

Такое распространение колоний было, конечно, делом многих поколений. Прочному, окончательному основанию поселения предшествовал иногда целый ряд открытий, предварительных попыток и т. д. Для нас остались большей частью неизвестными имена этих своего рода Колумбов, открывавших новые, неведомые дотоле грекам страны, прокладывавших новые пути торговле. «Того, что возникает мало-помалу, предание не хранит обыкновенно», – говорит по этому поводу Э. Курциус в своей «Греческой истории». «Отдельный битвы являются в ярком блеске славы, тогда как мирная и не бросающаяся в глаза работа народа, на которую в течение многих поколений он тратит лучшие свои силы, остается в тени, в неизвестности...»

⁵ Где была фактория Навкратис.

Главными пунктами, откуда направлялась греческая колонизация в VIII—VII столетиях, были преимущественно ионийские города в Малой Азии, особенно Милет, по преданию, основавший будто бы до 80 колоний, затем Фокея, отчасти остров Самос, а в самой Греции – эвбейские города Халкида и Эретрия, из дорических же – Коринф, метрополия, например, Сиракуз, Мегары, основавшие Византий, и некоторые другие. Обыкновенно каждый из таких городов имел свой излюбленный район, куда он направлял своих колонистов, Милет – к берегам Черного моря, Халкида – к полуострову Халкидике и к берегам Сицилии, но никто не заходил так далеко на запад, как колонисты Фокеи.

Одновременно с колонизацией развивалось и морское дело, мореплавание. За 700 лет до Р. Х. коринфянин Аминокл впервые, по свидетельству древности, стал строить триеры, т. е. суда с тремя рядами гребцов, для самосцев. Греки, шедшие нередко по следам финикийян, постепенно вытесняли этих прославленных мореплавателей, купцов и посредников в сношениях между Востоком и Западом.

Вообще колонизация явилась важным фактором в историческом развитии греческого народа⁶.

Во-первых, она должна была сильно повлиять на развитие торговли и промышленности. Между метрополией и колониями должен был установиться живой обмен. Колонисты получали с родины продукты и предметы, к которым они привыкли, в которых они нуждались, и в свою очередь посылали туда свои товары. Колонии вступали в сношения друг с другом и с соседними странами – с Лидией и вообще Востоком, со скифами, фракийцами, этрусками, латинами... О том, как обширны и живы были эти сношения, говорят нам не только литературные свидетельства, но и многочисленные данные археологии – предметы, находимые благодаря раскопкам. С востока, как и раньше, получались предметы роскоши; с запада, из Италии и Сицилии, шел хлеб, металлы. Нынешняя Южная Россия, северные берега Понта, служили уже в ту отдаленную эпоху житницей для греков. Отсюда они вывозили хлеб, а также рыбу, кожи и т. п., а взамен доставляли свои изделия. Немало греческих городов и в собственно Элладе, и среди колоний уже тогда выдавались как торговые и промышленные центры и оттесняли на второй план общины чисто земледельческие. Таковы были названные уже раньше как исходные пункты колонизации Милет, Самос, Халкида, Эретрия, Коринф, Мегары. Из них Милет славился своей шерстью, своими тканями, пурпурной одеждой, коврами. Коринф, благодаря своему положению на перешейке, служил, по словам Фукидида, эмпорием Греции: через него шла торговля между восточной частью Средиземного моря и западной⁷. Он славился, кроме того, своей керамикой, в особенности вазами («коринфскими»), затем бронзовыми изделиями, шерстяными материями, вообще своим промышленным развитием, и Геродот отмечает, что здесь ремесленники пользовались большим уважением, чем в остальной Греции. Халкида торговала преимущественно металлами, медью и изделиями из них, оружием и т. д. К этим пунктам надо присоединить еще Хиос, славившийся своим вином; малоплодородный, бедный природой, но торговый остров Эгину, занимавший одно время господствующее положение на море; Сикион и такие колонии на западе, как Сибарис и Сиракузы. Позднее стала выдвигаться Аттика своими оливками, серебром Лаврийских рудников и в особенности своей керамикой. Даже между отдаленными друг от друга городами существовали живые торговые сношения, например между Милетом на востоке и Сибарисом на западе, а сношения Коринфа простирались от Сицилии и до Лидии и берегов Понта. Когда Лидия утвердила свое господство на малоазийском побережье, подчинив себе тамошние греческие города,

⁶ Мейер Эд. Экономическое развитие Древнего мира / Пер. с нем. под ред. М.О. Гершензона. СПб., 1898; Кареев Н.И. Государство-город античного мира. 2-е изд. СПб., 1905. С. 59 сл.

⁷ При тогдашних условиях плавания обогнуть Пелопоннес было затруднительно, тем более что на западном берегу Пелопоннеса не было удобных гаваней, и товары, доставлявшиеся к Истму морем, перевозились обыкновенно через перешеек сухим путем, а потом опять шли морем: у Коринфа был своего рода «волок».

а затем на смену ей явилось владычество Персии, образовавшей на востоке одну обширную державу, то и это благоприятствовало развитию греческой торговли. По крайней мере, так было до тех пор, пока не восстала Иония и не был разрушен Милет.

С развитием промышленности число ремесленников увеличивается, но дешевых свободных рабочих не хватает – развивается рабство и торговля рабами. Говорят, остров Хиос первый начал торговать рабами, покупая их в чужих странах и потом перепродавая; он сделался таким образом рынком для покупки рабов. В торговых и промышленных городах поселяются и свободные ремесленники из чужих краев, не пользующиеся политическими правами, находящиеся в положении афинских метеков.

Таким образом, уже в ту эпоху промышленность удовлетворяла не только местные потребности: она производит предметы и на вывоз, и схема известного экономиста И.К. Родбертуса и его последователя К. Бюхера, по которой вся древность относится к периоду замкнутого, так называемого «ойкосного» или «домашнего» хозяйства, чистого производства на себя без обмена, где продукты потребляются в том же хозяйстве, которое их производит, эта схема по отношению к Греции оказывается неверной⁸. Уже в древности существовали высшие формы экономических отношений; уже тогда промышленность и торговля играли важную роль, продукты производились для вывоза, для сбыта, и еще в VII столетии до Р. Х. во многих местностях греческого мира совершается переход к хозяйству денежному.

В гомеровскую эпоху мерилом ценности служили драгоценные сосуды, слитки меди или железа, а чаще всего скот – бык или овца. В «Илиаде», например, медный треножник оценивается в 12 быков, металлическое оружие – в 9, рабыня, опытная в женских работах, – в 4. С развитием торговли, при участившемся обмене, особенно должна была ощущаться потребность в единицах ценности определенного веса и притом удобных для обращения – в чеканной монете. С Востока заимствованы были греками единицы мер и весов, а в начале VII в. в Малой Азии, там, где мир греческий соприкасался с миром восточным, в Лидии и в Ионии – в Фокее, Самосе и Милете – стали чеканить монету. Теперь уже не было нужды каждый раз подвергать взвешиванию металлические слитки: штемпель города или государства служил гарантией определенного веса. Нечего и говорить, как это должно было облегчить торговые сношения, каким могущественным образом повлиять на развитие торговых оборотов. Неудивительно, что такое нововведение быстро привилось и распространилось. Вскоре деньги делаются силой. Уже в VII в. у поэта Алкея мы встречаем изречение: «деньги делают человека». За ними происходит погоня; это – знамение времени. «Для большинства, – говорит другой поэт, Феогнид из Мегар, – существует одна только добродетель – быть богатым. Остальное ничто тебе не поможет, обладай ты мудростью самого Радаманта, большими знаниями, чем Сизиф, или языком Нестора богоравного». Негодуя на то, что знатные вступают в брак с незнатными, Феогнид замечает: «Деньги чтят они; поэтому благородный женится на дочери богача, а богач – на дочери благородного. Богатство смешивает сословия. Не удивляйся поэтому, если род граждан портится: благородное смешивается с подлым». «Не напрасно люди больше всего почитают тебя, Плутос (т. е. Богатство), ибо с тобой, прекраснейший и желаннейший из богов, и низкий делается благородным». Но и сам Феогнид в одном месте заявляет: «Будь я богат и мил бесмертным, я бы ни о какой другой добродетели не заботился».

Таким образом, выдвигается средний класс, который может быть назван греческой буржуазией. Рядом со знатным, родовитым землевладельцем, а иногда и выше него, становится представитель промышленности и торговли, капитала, богатый купец и мореплаватель. В лице этого класса возвышается демос – название, обнимающее разнообразные элементы, начиная с крестьянина, поденщика и простого ремесленника и кончая неродовитым купцом-капиталистом.

⁸ *Мейер Эд.* Экономическое развитие Древнего мира. СПб., 1898.

Аристократы должны были уступить место и в такой сфере, как военное дело. Условия войны изменились, и конница уступает первенство пехоте – фаланге тяжеловооруженных гоплитов. А еще Аристотель подметил тесную связь между организацией военной силы и политическим строем. В древности, говорит он, где сила была в коннице, там была олигархия, и после отмены царской власти политические права перешли к воинам, сначала к всадникам, пока сила на войне была в коннице, а потом, с ростом городов и с усилением гоплитов, и к большему числу лиц (Pol., 1297 b). Конная сила, по мнению Аристотеля, свойственна аристократии или олигархии, тяжелая пехота – умеренной политике, а легкая пехота и морская сила – демократический род оружия. Перемену, совершившуюся тогда в Греции, можно сравнить с тем, что наблюдается в конце Средних веков в Западной Европе. И здесь рыцарское ополчение как военная сила уступает место пехоте: алтайская пехота одерживает победы над блестящим французским рыцарством, швейцарцы – над бургундским, гуситы – над имперским.

Возвышению новых элементов содействовало и развитие в умственной сфере. Легко себе представить, как основание колоний и расширение пределов греческого мира, сношения и знакомство с другими странами повлияли на расширение умственного кругозора греков. При этом то была эпоха, когда входит все в большее и большее употребление такое могучее орудие просвещения, как алфавит, усвоенный приблизительно еще в конце X века, появляется письменность. На рубеже VII и VI вв. мы видим первые опыты философских систем. Конец VII и начало VI в. – это век семи мудрецов. На смену эпосу является лирика с ее выражением личных чувств. Наступает пора пробуждения индивидуальности. В VII в. перед нами впервые выступают личности поэтов, подобных Архилоху, с их индивидуальностью, с их мировоззрением, с их любовью и ненавистью. «Архилох, – говорит Белох, – первый грек, который, как живой человек, стоит перед нами во всей своей индивидуальности. Он пел обо всем, что волновало его в жизни: о своей любви к прекрасной Необуле на паросской родине, как и о своих военных поездках по дикой Фракии; с полной откровенностью выражал он свои страсти и язвительной насмешкой преследовал своих врагов»⁹.

Образование, бывшее прежде достоянием и привилегией аристократии, проникает и в другие слои. Незнатный мореплаватель и купец по своему кругозору и опыту теперь часто превосходит знатного землевладельца.

Борьба демоса с аристократией и тирания

Новые выдвинувшиеся элементы выступают со своими требованиями: они добиваются гражданского равенства и политических прав. С другой стороны, переход к денежному хозяйству сопровождался тяжелым экономическим кризисом¹⁰. Теперь и крестьянину нужны были деньги, тем более что натуральные повинности переводились часто на деньги, и господствовавшая землевладельческая знать становилась все требовательнее. Крестьянин должен был добывать деньги за большие проценты; он разорялся, лишался земли, входил в неоплатные долги, попадал в кабалу: долговое право тогда было сурово и неисправного должника обрекало на рабство. Прибавим в этому, что владычество аристократов, как мы видели, стало тяжелым.

Таковы причины борьбы демоса с аристократией. Это – борьба политическая и социальная, борьба ожесточенная, сопровождавшаяся нередко переворотами, изгнаниями, отобранием имуществ и т. п.

До какого ожесточения доходили борющиеся партии, показывает эпизод, произошедший в Милете: дети изгнанных аристократов были отведены на ток и там брошены под ноги

⁹ Белох Ю. История Греции / Пер. с нем. М.О. Гершензона. Т. I. М., 1897. С. 204—205.

¹⁰ Meyer Ed. 1) Geschichte des Altertums. Bd. II. S. 547 f.; 2) Экономическое развитие... С. 37—38; Pöhlmann R. von. Geschichte des antiken Kommunismus und Sozialismus. Bd. II. München, 1901. S. 109 f.

быков, которые их и растоптали; аристократы, возвратившись, отомстили тем, что осмолмили детей демократов и сожгли их. В Мегарах мы видим иные сцены: бедные вторгаются в дома богатых, требуют угощения и в случае отказа пускают в ход силу, а с заимодавцев требуют возвращения уплаченных процентов. Иногда нападали на стада богатых землевладельцев и избивали овец. В местностях, где кризис особенно обострялся, стремления демоса вообще принимали, можно сказать, социал-революционный характер¹¹: раздавались требования передела земли, уничтожения долговых обязательств и т. д.

С настроением и стремлениями общественных классов и партий того времени нас знакомит тогдашняя лирика. Греческая лирика VII и начала VI в. носит часто политический характер, и лирические произведения для той эпохи были тем же, что для нашего времени произведения публицистические и памфлеты. Еще почти в начале рассматриваемого периода, на рубеже VIII и VII вв., мы встречаем симптом пробуждения массы, выражение пессимизма, недовольства и духа оппозиции, встречаем поэта с антиаристократической тенденцией – Гесиода. Гесиод – сам сын поселянина, покинувшего малоазийские Кумы из-за нужды и поселившегося в Беотии, у подошвы священного Геликона. Это – поэт сельского класса, людей, трудящихся в поте лица своего. Мы видели, как негодует он на правителей-«дароедов», как жалуется на отсутствие правды в судах, как изображает тяжелую долю земледельца, беззащитность слабого. Мы знаем его басню о ястребе и соловье, о сильном и слабом, на тему: «с сильным не борись!». Гесиод рисует идеал золотого века, но этот век позади, в далеком прошлом. Настоящее же мрачно. Отец не в согласии с сыном, сын – с отцом, гость – с гостем, товарищ – с товарищем, и брат не мил, как бывало прежде. Теперь – люди насилия; нет ни правосудия, ни стыда. В мире действует борьба и зависть конкурентов; горшечник относится со злобой к горшечнику, плотник – к плотнику, нищий завидует нищему, певец – певцу. Зевс дал такой закон: рыбы, и звери, и птицы крылатые пусть пожирают друг друга, ибо правды нет между ними; но людям он дал правду, которая – величайшее благо. «Слушайся правды, – наставляет Гесиод своего брата Перса, хотевшего несправедливым судом отнять у него участок земли, – работай, Перс, божественный отпрыск». Поэт прославляет честный труд. «Работа не позорна, позорно безделье, – говорит он, – разбогатеешь, будешь ленивый завидовать тебе, богатеющему, а за богатством следует и слава, и почет». А кто живет в бездельи, на того и боги негодуют, и люди; он подобен трутням, которые и сами не работают, и работу пчел уничтожают, пожирая ее...

Обратимся теперь к поэту, который жил в конце характеризуемого периода и у которого особенно ярко выразилось отношение к современной ему действительности. Это – Феогнид из Мегар.

Феогнид – аристократ по происхождению и по симпатиям. Он лишился состояния, отечества, долго скитался и только под конец жизни вернулся на родину. «Как собака через горный ручей, переправился я, в бурном потоке все бросив». «О, горе мне, бедному. Потерпев несчастье, я стал посмешищем для врагов и бременем для друзей». Феогнид мечтает о мести: он молит Зевса за все претерпленные страдания дать ему «испить черной крови врагов». Демос Феогнид страстно ненавидит и презирает. «Топчи ногами пустоголовый демос, – говорит он, – коли его острым жалом, надень тяжелое ярмо на его шею!» Как из луковицы не вырастает роза или гиацинта, так от рабыни – свободное дитя. Обращаясь в своем стихотворении к некоему Кирну, любимому им молодому аристократу, Феогнид советует ему не иметь общения с «низкими», а всегда держаться «благородных»: «Только от благородных можешь ты научиться благородному». По мнению Феогнида, было бы хорошо, если бы все «благородные» владели богатством, а простому человеку подобает трудиться в бедности.

Понятно после этого, как относился Феогнид к совершившимся в ту пору переменам, как волновали они его. «Кирн! город тот же, да люди другие, – с горечью говорит он. – Те,

¹¹ *Busolt C. Griechische Geschichte. 2 Aufl. Bd. I. Gotha, 1893. S. 628.*

что раньше не знали ни прав, ни законов, но носили на плечах козы шкуры и за городом паслись, как олени, теперь – знатные! А прежние благородные стали теперь низкими! Кто может перенести это зрелище!» Особенно негодует Феогнид на то, что знатные, забыв свою родовую честь, вступают в брак с незнатными из-за денег.

В одном стихотворении, приписываемом, но, кажется, не принадлежащем Феогниду, положение государства сравнивается с положением корабля, заливаемого волнами: «Подобрав паруса, мы пускаемся в море темной ночью. Воду черпать они не хотят, а волны заливают корабль с обоих бортов. Едва ли кто спасется, когда они так поступают. Хорошего кормчего, который стоял на страже с знанием дела, они сместили; деньги расхищают они силой; порядок исчез, нет больше правильного распределения; носильщики властвуют, чернь – выше благородных. Боюсь я, что так волны поглотят корабль!..»

Яркие черты для характеристики тогдашнего положения дел мы найдем и в стихотворениях Солона, но их мы коснемся далее, в истории Афин.

Одним из результатов той борьбы, которая происходила тогда между демосом и знатными, и первой уступкой со стороны последних является издание писаных законов. Требование писаных законов, с которым выступил демос, вполне понятно, если вспомнить, что суд находился в руках знати и что тут, при отсутствии писаного права, открывался широкий простор для произвола. Вторая половина VII и начало VI в. – время первых опытов писаного права в Греции. И это нововведение впервые появляется опять-таки в колониях, только не в восточных, не в Малой Азии, а в западных: древнейшие писанные законы, по преданию греков, принадлежали Залевку в Локрах (Италийских) и Харонду в Катане¹². Затем уже следует в Афинах законодательство Драконта и Солона, в Митилене (на острове Лесбосе) – Питтака и проч.

Борьба партий – аристократической и демократической – была, как мы видели, политическая и социальная. Вела она иногда к так называемой тимократии. При тимократии доступ к власти открывался и неаристократу по рождению, но лицу, обладавшему известным имуществом, богатством, известным цензом. Другими словами, аристократия по происхождению уступала место аристократии по состоянию. Или же обе партии, утомленные борьбой, не видели иного исхода, как в том, чтобы вручить неограниченную власть какому-либо лицу, пользующемуся общим доверием. Такое лицо являлось верховным уполномоченным, посредником, законодателем, пожалуй, в известном смысле – диктатором, и называлось эсимнетом¹³. Типичным эсимнетом был Питтак Митиленский, современник Солона, один из семи мудрецов и одна из благороднейших личностей греческой истории. По окончании своего дела Питтак сам сложил с себя власть, избавив свое отечество, как говорит древний историк, от трех величайших бедствий – от тирании, от междоусобной и от внешней войны.

Но чаще всего борьба вела к тирании.

Со словом «тиран» древние греки связывали иное понятие, нежели мы. Теперь тиранией мы называем жестокое правление, а тираном – жестокого, хотя бы и законного, государя; греки же обозначали этими словами обыкновенно незаконность происхождения власти и тиранами называли лиц, силой или хитростью присваивавших себе власть, по праву им не принадлежавшую, хотя бы это были правители кроткие и гуманные¹⁴. Таким образом, тирания в древнегреческом смысле – в сущности узурпация, а тираны – узурпаторы. С точки зрения грека, напри-

¹² Нужно заметить, что действительное существование Залевки подверг сомнению еще греческий историк Тимей.

¹³ Между эсимнетом и тираном иногда трудно провести границу. По Аристотелю (Pol., 1284 a), эсимнетия – «просто сказать, выборная тирания».

¹⁴ Впоследствии, впрочем, философы, например Аристотель, характерной чертой тирана считали стремление не к общей пользе, а к личной выгоде, или превышение власти, хотя бы и законной. См.: Zeller Ed. Ueber den Begriff der Tyrannis bei den Griechen // SB. Berlin, 1887. S. 1137 f.; на рус. яз. о тирании см.: Бауэр Н.В. Эпоха древней тирании в Греции. СПб., 1863; также см. мою статью: Бузескул В.П. Тирания и тирании в древней Греции // Брокгауз—Ефрон. Энциклопедический словарь. Т. XXXIII, п/т. 65. 1901. С. 224 сл.

мер, Наполеон I и Наполеон III были бы тираны. Вообще греческую тиранию, скорее всего, можно сопоставить с цезаризмом в Риме или во Франции.

Древняя тирания характеризует преимущественно вторую половину VII и VI столетия до Р. Х. и притом те местности Греции, где политическая, экономическая и вообще культурная жизнь достигла уже значительного развития. Она возникла на почве недовольства и ненависти к знатым и богатым со стороны демоса, страдавшего от политического бесправия и экономического кризиса. Это – своего рода демократическая диктатура, в которой нуждался недостаточно еще окрепший демос.

Тираны выходили иногда из рядов высших правительственных лиц, например, так называемых пританов, стратегов или архонтов, старавшихся насильно продлить и расширить свою власть. Но чаще всего это были аристократы по происхождению, из политического расчета, честолюбия или из-за личной обиды порывавшие связь со своим сословием, становившиеся во главе демоса и с помощью него, силой или хитростью, захватывавшие власть в свои руки. В этом смысле прав Аристотель, говоря, что древние тираны большей частью выходили из демагогов. Существовавших форм государственного строя и законов тираны обыкновенно не трогали и довольствовались властью фактической, предоставляя высшие должности своим родственникам или приверженцам. Иногда, впрочем, они старались и в самом государственном устройстве дать перевес началам демократическим. В видах большей безопасности и прочности собственной власти тираны принимали меры против скопления населения в городе и старались отвлечь его внимание от государственных дел. Опорой им служила военная сила – отряд телохранителей, укрепленный дворец и т. п. Ввиду этого, а также и для осуществления своей внешней и внутренней политической системы тираны нуждались в больших денежных средствах, вводили налоги, иногда в форме прямого обложения, прибегали к конфискации имений знати и т. д. Тираны вступали в союз друг с другом и в тесные сношения с Востоком, вообще развивали широкую внешнюю политику, старались распространить свое политическое и торговое влияние. Они заботились о развитии морского могущества и об основании колоний. Тираны искали и нравственной опоры для своей власти в дружественных связях с Олимпией, и в особенности с Дельфийским оракулом. Они вводили новые культы, покровительствовали, например, культу Диониса, бога преимущественно простого, сельского класса, устанавливали новые церемонии и празднества. Они вступали в союз с умственными силами века, подобно итальянским династам эпохи Возрождения являлись в роли меценатов, привлекали к своему двору художников, поэтов, этих глашатаев славы и тогдашних руководителей общественного мнения. Тираны проявляли в широких размерах строительную деятельность, не только способствовавшую украшению и укреплению их резиденций или благоустройству городов и общей пользе, но и дававшую заработок массе рабочих и ремесленников.

Но лучшей опорой тиранам служила преданность демоса. Уже личные выгоды побуждали их заботиться об удовлетворении насущных его потребностей и интересов – о правосудии, о поднятии экономического благосостояния массы. Некоторые тираны особенно покровительствовали земледельческому классу, оказывая ему всяческое содействие и помощь. Зато знать большей частью подвергалась гонению, а имущества у нее отбирались.

В некоторых городах утвердились целые династии тиранов, например Орфагориды в Сикионе, властвовавшие там в течение столетия, Кипселиды в Коринфе, не говоря уже о Писистрате и его сыновьях в Афинах. Память о могуществе и богатстве тиранов долго хранилась греками. О тиранах ходили разные рассказы, своего рода новеллы¹⁵, образцы которых мы находим у Геродота, например рассказ о свадьбе Агаристы, дочери сикионского тирана Клизфена.

¹⁵ Erdmannsdoerffer B. Das Zeitalter der Novelle in Hellas // Preussische Jahrbücher. Bd. XXV. 1870. S. 283 f.

Тирания нанесла сильный удар аристократии и много способствовала возвышению демоса. Большей частью она служила переходной ступенью к демократии или, по крайней мере, к более умеренной, сравнительно с прежней, аристократии. Благодаря тирании во многих греческих государствах мог окрепнуть демократический элемент. Тирания освобождала народные массы от владычества аристократии; власть тирана фактически уравнивала знатных и незнатных, так сказать, нивелировала общество. Силам, истощавшимся во взаимной, внутренней борьбе, тираны давали подчас иное направление и применение. Многие тираны, особенно основатели династий, были выдающимися деятелями, обладавшими мужеством и широким умом, личностями сильными, с резко выраженной индивидуальностью.

Но тирания имела немало и темных сторон. Если уже наиболее выдающиеся тираны, основавшие династии, оказывались слишком неразборчивыми в средствах и слишком подозрительными, то их преемники – тем более. Не имея ни тех талантов, ни тех заслуг, которые давали их отцам и предшественникам как бы право на власть, сознавая ее незаконность, они становятся еще более подозрительными и жестокими, видят свою опору исключительно в силе, в наемной страже, пренебрегают интересами демоса, которые делаются для них совершенно чуждыми и непонятными, и воздвигают гонение на всех. При тирании не мог бы развиваться вполне и свободно греческий гений. Тирания, с ее насилием, подозрительностью и лицемерием, должна была иметь деморализующее влияние, и ее падение, после того как она выполнила свою историческую задачу, было благоприятно для дальнейшего развития греков. Окрепший демос мог теперь отстаивать себя и без тирании, которая являлась для него уже скорее тормозом и лишним игом.

И тирания стала вызывать против себя недовольство даже в тех слоях, на которые она прежде опиралась и для которых теперь сделалась ненужным и тяжелым гнетом. К концу VI в. в большей части Греции она исчезает, уступая место или умеренной аристократии, или демократии¹⁶.

Итак, монархия, ее падение, владычество аристократии, борьба с ней демоса и тирания, как переходная ступень к демократии или к более умеренной аристократии, – такова обычная общая схема развития греческого государства в VIII—VI вв.

Те же явления наблюдаем мы и в Афинах. Только тут ход исторического развития совершается еще постепеннее и благодаря дошедшим до нас источникам известен нам подробнее.

¹⁶ Долше удержалась тирания в сицилийских городах, где борьба между разнообразными племенными и остальными элементами часто приобретала крайне жестокий характер. Она получила особенное развитие в Сиракузах в лице двух Дионисиев (Старшего и Младшего) и Агафокла. Но эта тирания была несколько иная: современница упадка демократии и развития наемничества, она является по преимуществу военной диктатурой: ее представители выходят из рядов военачальников и опираются почти исключительно на военную силу, на солдат. То же следует сказать и о тех тиранах, которые появлялись в Греции во времена и под эгидой македонского господства.

Демократия в Афинах

I. Начало

Переход от монархии к архонтату

Обычный тип греческого государства – полис, государство-город, состоящее из города с его ближайшими окрестностями. Афины, наравне со Спартой, в этом отношении составляли исключение. В известную нам историческую пору Афинское государство не было просто городом, а занимало сравнительно значительную территорию (около 40 кв. миль), обнимавшую всю Аттику и имевшую лишь один центр – Афины. Но некогда и в Аттике существовали отдельные независимые общины, и прошло немало времени, прежде чем совершилось полное объединение или слияние их – так называемый синойкизм – в одно целое. Например, Элевсин, несомненно, долго был отдельным, самостоятельным государством. Предания сохранили явные указания на то, что он и Афины были когда-то двумя враждебными сторонами. На былую самостоятельность Элевсина указывает и то обстоятельство, что он пользовался правом чеканить монету. Некоторые общины, вошедшие в состав Афинского государства, когда-то были, по-видимому, в особенно враждебных между собой отношениях, а некоторые – наоборот, в особенно тесных, союзнических. Так, жители Паллены и Гагна даже впоследствии не заключали браков между собой. С другой стороны, особенно тесная связь существовала между общинами так называемых «четырех городов», к числу которых относился и Марафон; то же можно сказать и о «четырех деревнях» (в их числе были Пирей и Фалер). Все это, очевидно, отголоски далекого прошлого.

По преданию, при Кекропе Аттика делилась на 12 «городов», т. е. областных государств. Объединение же Аттики, ее синойкизм были будто бы делом Иона или Тесея, как гласит более распространенная традиция. Тесей, по словам Фукидида (II, 15), упразднил советы и власти в отдельных городах и учредил для всей Аттики один совет (булевтерий) и один Пританей – в Афинах. Впоследствии предание представляло это объединение Аттики совершенным мирно, путем убеждения. Но в действительности оно было результатом довольно долгого и, вероятно, тяжелого процесса¹⁷. Объединение исходило из «равнины», составлявшей естественное средоточие страны. Тут, на берегу Кефиса, неподалеку от морского берега, на скалистом холме, господствуя над окрестностями, расположена была крепость или кремль, акрополь, где еще в микенскую эпоху находился царский дворец.

Афиняне с некоторым правом смотрели на себя как на автохтонов. Лежавшая в углу, далеко не плодородная Аттика не служила приманкой для завоевателей и во времена исторические не подвергалась завоеванию. Даже в эпоху племенных передвижений, когда дорийцы вторгались в Пелопоннес, она не испытала потрясений и участи большей части остальной Греции. Буря ее миновала, и вместо того чтобы сделаться добычей завоевателя, Аттика служит еще убежищем и приютом для других. По преданию, сюда являются беглецы из Беотии, Пилоса и т. д. Это не были покорители; это был лишь прилив свежих, энергических сил, и многие знаменитые афиняне вели свой род от выходцев, нашедших убежище в Аттике. Таким образом, в Аттике мы не видим той племенной розни, которая существовала во многих областях Эллады. Здесь нет двух резко отделенных друг от друга классов – победителей и побежденного,

¹⁷ По мнению Эд. Мейера, только в одной Аттике сохранилось древнее государство микенской эпохи; от той эпохи и ведет свое начало государственное единство страны.

порабощенного народа. «Предки наши, – мог с гордостью сказать впоследствии афинянин¹⁸, – всегда отличались справедливостью в отношении к людям, ибо они не были смесью с другими племенами или пришельцами; из всех эллинов они одни – автохтоны; та земля, в которой они родились, была их кормилицей, и любили они ее, как любят отца и мать». И это обстоятельство в будущем, конечно, могло способствовать достижению равноправия и развитию более демократических форм в Афинах.

Но все-таки вражды и борьбы между различными социальными элементами не избежала и Аттика. В древней истории Афин перед нами, несмотря на отмеченные черты, все же в сущности явления, аналогичные тем, которые мы видим в большей части остальной Греции. Историческая жизнь Аттики прошла через те же стадии развития, что и в большинстве других греческих государств VIII—VI вв. до Р.Х. И в Афинах некогда существовала царская власть, которая потом исчезает; и тут, прежде чем упрочилась демократия, властвовала аристократия эвпатридов и между ней и низшими классами, демосом, происходила борьба.

В социальном отношении, по знатности происхождения и своим занятиям, население Аттики делилось на три сословия – на эвпатридов, благородных, георгов, или геоморов, иначе агройков, земледельцев, и демиургов, ремесленников. Эвпатриды сосредоточивали в своих руках крупную земельную собственность, политическое влияние и затем власть. В старину, а нередко и впоследствии, они жили обыкновенно вне города, и в Аттике немало было поселений, называвшихся по имени знатных родов, которые, очевидно, происходили из той местности и там имели местопребывание. Георги, или геоморы, были преимущественно средними и мелкими земледельцами, а демиурги, число которых должно было увеличиваться лишь по мере торгового и промышленного развития Аттики, занимались ремеслом и торговлей. Такое деление на сословия приписывалось в древности Тесею. Плутарх передает¹⁹, будто Тесей, производя синойкизм и желая еще больше увеличить город, созвал всех «на равных правах», но чтобы эта «демократия» не была беспорядочной, смешанной толпой, он первый разделил ее на упомянутые три сословия: эвпатридам он предоставил ведать религиозными делами, занимать должности, быть истолкователями законов божеских и человеческих; они выдавались почетом, геоморы – полезностью, демиурги – численностью. Конечно, в ту отдаленную эпоху, при слабом развитии торговли и ремесел, едва ли демиурги могли выдаваться численностью, как говорит Плутарх; да и само деление на сословия было, по всей вероятности, результатом не законодательного акта одного какого-либо лица, а самой жизни: сословия эти, так сказать, бытовали в Аттике.

Но рядом с делением на сословия или классы в Аттике существовало еще деление родовое – на филы или колена, фратрии и роды. Там было четыре филы – Гелеонты, Аргады, Эгикореи и Гоплиты, из которых каждая состояла из трех фратрий, а фратрия – из известного числа родов²⁰.

Относительно этого деления возникает целый ряд вопросов: что древнее – фила, фратрия или род? Обнимало ли это деление всех граждан Аттики или только знатных эвпатридов? Имели ли филы территориальный характер или же скорее племенной, кастовый, соответственно занятиям жителей? Возникли ли они в Аттике или принесены извне? В каком отношении находится это деление к сословному – на эвпатридов, геоморов и демиургов? И т. д. По этим вопросам существует обширная литература, но некоторые из них все еще не вполне разрешены. Мы здесь не будем вдаваться в специальные подробности; скажем только, что в состав фил, по-видимому, входили все граждане; деление на три сословия не имело отноше-

¹⁸ Исократ в «Панафинейской речи» (125).

¹⁹ В биографии Тесея (24 sq.).

²⁰ По схеме, которую мы находим, например, у Аристотеля, в каждой фратрии было по 30 родов, состоявших в свою очередь из 30 глав семейств. Но схема эта, очевидно, искусственная.

ния к делению на филы и фратрии; знатные фамилии находились в каждой из фил; последние были, в сущности, равноправны, хотя на первом месте обыкновенно называют филу Гелеонтов; филы имели до некоторой степени и территориальный характер; это можно заключить из того, что впоследствии каждая фила разделена была на 3 триттии и на 12 навкрарий, а навкрарии были единицы территориальные.

Членов рода связывало происхождение от одного – действительного или мнимого – предка. Нередко род и назывался по имени того лица, от которого он вел себя (например, Алкмеониды – от Алкмеона). Члены рода находились между собой в тесной правовой и религиозной связи, имели некоторые общие права и обязанности, общий культ, свои святилища, своих жрецов, свои праздники, свои кладбища. В древности они должны были защищать друг друга, мстить убийце, если кто-либо из членов рода погибал от руки его; в случае отсутствия прямых наследников наследовали имущество умершего. Во главе рода стоял особый, так называемый «архонт рода», по всей вероятности ежегодно сменявшийся. Членов фратрии связывал тоже общий культ. Во фратрии велись списки законных детей; она наследовала имущество последнего в роде и т. п. Во главе фил стояли «цари фил» (φιλοβασιλεύς); еще в IV в. до Р.Х., во времена Аристотеля, они совместно с архонтом-басилевсом производили суд в Пританее. В строе государства и в тогдашней политической жизни, особенно в эпоху аристократии, филы имели немалое значение, служа основой для организации управления, войска и проч. В них, конечно, сильно преобладали аристократические элементы и стремления.

Начало демократии в Афинах последующая традиция относил к очень ранней поре, еще ко времени Тесея. Она представляла этого героя иногда в образе основателя и покровителя демократии. По поводу синойкизма говорили, например, что Тесей созвал всех «на равных правах», что он достиг соединения Аттики путем компромисса и уступок, обещав разделить власть с главами и представителями прежних отдельных общин, являясь между ними скорее первым между равными, что при нем уже форма правления уклонилась от царской и что он первый «склонился на сторону толпы». Тесей, собрав в Афины разнообразный люд, создал будто бы демос и придал монархии более демократическое направление²¹.

Разумеется, подобные сообщения не заслуживают доверия. Не говоря уже о том, что Тесей – личность не историческая, а легендарная, в предании этом мы замечаем противоречия; оно и Солон считает основателем афинской демократии, и вообще трудно допустить, чтобы о столь отдаленном периоде аттической истории позднейшая греческая литература сохранила сколько-нибудь достоверные сведения. Но предание о Тесее как основателе афинской демократии интересно в другом отношении: оно показывает, как последующие поколения представляли себе первоначальную демократию в Афинах и в какую отдаленную глубь веков готовы были они относить ее начало. В действительности от монархии Афины перешли не прямо к демократии, а к аристократии, к архонтату. Переход этот совершился с замечательной постепенностью. Одна из версий древней традиции упразднение в Афинах монархии и учреждение должности архонта приурочивала ко времени смерти царя Кодра, будто бы пожертвовавшего жизнью ради спасения отечества. Согласно господствовавшему в древности преданию, цари заменены были архонтами, которые сначала были пожизненными и избирались из фамилии царской – из потомков Кодра, Медонтидов. С середины VIII в. должность архонтов ограничивается 10 годами. Через 4 десятилетия после этого Медонтиды теряют исключительное право на архонтат и доступ к последнему открывается всем эвпатридам, а еще через 30 лет – в 683/82 г. до Р. Х. – в Афинах стали выбирать ежегодно девять архонтов – собственно архонта (впоследствии называвшегося архонтом-эпонимом), басилевса, полемарха и шесть фесмофетов, и таким образом власть, принадлежавшая прежде одному лицу, теперь разделяется между

²¹ Aristot. Ath. Pol., 41; Plut. Thes., 24 sq.

несколькими. Такое ее разделение и создание новых, ежегодно замещавшихся должностей должно было удовлетворять честолюбию эвпатридов, их стремлению к власти.

Аристотель в своем трактате «Афинская полития», вновь открытом среди папирусов, приобретенных в Египте Британским музеем, и изданном впервые Кенионом в 1891 г., представляет переход от монархии к архонтату так. По времени первой в Афинах была власть царя, ибо она существовала изначально. Второй возникает рядом с ней полемархия, вследствие того, что некоторые цари стали невоинственными, а затем появляется должность архонта (эпонима), которая и сделалась впоследствии главной. Должности эти были сначала пожизненными, а потом десятилетними. Большинство, по словам Аристотеля, относит возникновение архонтата ко времени Медонта, а некоторые – ко времени его преемника, Акаста, когда потомки Кодра «отказались будто бы от царской власти из-за даров, которые получал архонт», причем ссылаются на клятву, даваемую архонтами, в которой те обязываются «присягать так, как при Акасте». Что должность архонта сравнительно с должностью басилевса и полемарха более позднего происхождения, это, по мнению Аристотеля, видно между прочим из того, что архонты не заведуют никакими древними учреждениями и культом, подобно басилевсу и полемарху, а только новыми. Фесмофетов же стали в Афинах выбирать спустя много лет, уже при ежегодных архонтах, с тем «чтобы они записывали и хранили постановления для суда над преступниками».

Так рассказывает Аристотель о падении царской власти в Афинах и начале архонтата. Он здесь опирался, конечно, не на какой-нибудь документальный, вполне достоверный источник: перед нами тут преимущественно комбинации и выводы, со ссылкой на доказательства, которые основываются больше на так называемых «культурных переживаниях». Но в пользу сообщения Аристотеля говорят и внутреннее правдоподобие, и историческая аналогия. В его изложении постепенность перехода от монархии к аристократии представляется особенно рельефно. По Аристотелю, какого-либо переворота, формальной отмены царской власти в Афинах не было. Мы видим тут, как и в большей части остальной Греции, не революцию, а эволюцию. Падение монархий и переход к аристократии совершается медленно, с удивительной последовательностью: архонт, первоначально лицо менее важное, занимавшее третье место, возвышается мало-помалу до положения первенствующего, становится выше не только полемарха, но и самого басилевса, советником и помощником которого он, вероятно, сначала был, а басилевс из монарха превращается во второстепенное лицо, во второго архонта, заведующего преимущественно делами, касающимися культа. Таким образом, второй архонт есть прямой, непосредственный преемник прежних царей; но фактически главная власть перешла в руки сановника, сначала стоявшего на третьем месте, а затем возвысившегося над басилевсом и заслонившего его собой.

С усилением знати царская власть ограничивалась и падала. По мере того как отношения и условия жизни становятся сложнее, выделяются новые должности и происходит, так сказать, дифференциация и дробление некогда единой власти, обязанности, исполнявшиеся прежде одним лицом, монархом, бывшим вместе правителем, военачальником, судьей и жрецом, исполняются тремя, а впоследствии к трем сановникам присоединяется еще шесть фесмофетов. С падением власти басилевса и возвышением архонта (эпонима) мы можем до известной степени сопоставить ограничение царской власти в Спарте эфорами и их возвышение. У молоссов в Эпире власть царей ограничивали простаты; в Мегарах наряду с царями стоят стратеги, власть которых расширяется за счет царской. А возвышение полемарха в Афинах – вследствие невоинственности и изнеженности царей, по объяснению Аристотеля, – может напомнить нам возвышение франкских майордомов при Меровингах.

Архонты избирались ареопагом «по знатности и богатству», как выражается Аристотель в своей «Афинской политии». Это не значит, что уже тогда существовал строго определенный ценз и господствовал тимократический принцип: слова «по знатности и богатству» лишь

взаимно дополняют одно другое; знатность и богатство в те времена совпадали, были как бы синонимами. Но естественно, что наиболее богатым эвпатридам отдавалось предпочтение. Из их среды и выходили архонты.

Первоначально девять архонтов, т. е. собственно архонт, базилевс, полемарх и шесть фесмофетов, не составляли одной коллегии и имели различное местопребывание; в одну коллегию соединил их Солон. По свидетельству Аристотеля, в старину архонты имели право решать дела окончательно, собственной властью, а не только предварительно расследовать, как было впоследствии. По словам Фукидида (I, 126), они тогда заведовали большей частью государственных дел.

Главным сановником в государстве был первый «архонт», архонт по преимуществу, которому специально присвоен был этот титул и по имени которого обозначался год: в Афинах употреблялось выражение – «в архонтство такого-то», подобно тому, как в Риме говорили – «в консульство таких-то». Позже этот архонт официально назывался «архонтом-эпонимом». При вступлении в должность он прежде всего объявлял, что чем каждый владел до него, тем и будет владеть до конца его архонства, т. е. каждому гарантировалась его собственность. В этом видят отголосок той глубокой старины, когда еще господствовала полная необеспеченность собственности. Впоследствии ведению первого архонта преимущественно подлежали семейно-правовые отношения; он должен был заботиться о дочерях-наследницах, сиротах, вдовах; он должен был назначать опекунов, защищать родителей от дурного обращения с ними детей. Он заведовал и некоторыми празднествами. Но некогда, во время господства аристократии, должность первого архонта была очень важной: это был как бы президент Афинской республики.

Второй архонт – базилевс, «царь» – ведал делами главным образом сакральными, имеющими отношение к культу, и председательствовал в ареопаге по делам о смертоубийстве, потому что в те времена такие дела связаны были с культом и пролитие крови рассматривалось как осквернение. Между прочим, любопытным остатком старины являлся обряд бракосочетания «царицы», жены архонта-базилевса, с богом Дионисом.

Полемарх, как показывает само название, был «военачальником»: он командовал войском и ведал делами, касающимися войны, а так как в старину «враг» и «чужой» были понятиями тождественными, то его ведению подлежали и дела, касавшиеся чужеземцев и неграждан. Наконец, фесмофеты несли обязанности преимущественно судебные.

При царях существовал совет из знати. Несомненно, что подобный совет существовал и в период господства аристократии, при архонтах. Таким правительственным советом в Афинах был ареопаг.

По словам Аристотеля, ареопаг имел назначением наблюдать за исполнением законов; но, в сущности, он ведал большей частью – и притом важнейших – государственных дел, собственной властью наказывал и карал всех нарушающих порядок; он же по своему выбору и усмотрению назначал архонтов, каждого соответственно его способностям. Члены ареопага были пожизненные, и состоял он из бывших архонтов (Ath. Pol., 3; 8). Судя по этим словам, ареопагу принадлежало первенствующее значение в государстве. Его можно сравнить с римским сенатом. Ему принадлежит высшая контролирующая и карающая власть. При владычестве эвпатридов с падением монархии и с разделением власти между несколькими ежегодно меняющимися сановниками неминуемо должны были сильно возрасти авторитет и влияние совета, состоявшего из пожизненных членов, наиболее знатных в богатых, служившего средоточием политической опытности и хранителем традиций, пополнявшегося, в сущности, путем кооптации, хотя и косвенным образом (так как состоял ареопаг из бывших архонтов, им же избранных). Между архонтатом и ареопагом должна была существовать тесная связь, ибо архонты избирались ареопагом и в него же потом вступали.

Народное собрание, существовавшее в Греции в гомеровскую эпоху, было и в Афинах. Оно не совсем исчезло, вероятно, и теперь, при господстве аристократии, но созывалось редко и значения не имело.

Еще при владычестве эвпатридов, по крайней мере, под конец этого периода, для удовлетворения вновь возникших потребностей, особенно во флоте, и для привлечения населения к несению повинностей введено было деление Аттики на навкратии. Каждая из 4 фил разделена была на 3 триттии и 12 навкратий. Навкратий, следовательно, было 48. Во главе них стояли навкраты. Каждая навкратия должна была снаряжать по одному кораблю и выставять по два всадника. Навкратии введены были в военных и финансовых целях, и навкраты заведовали текущими местными сборами и расходами. Навкратии являются представителями не старинного, родового принципа, а другого, нового – территориально-административного.

Отметим еще, как очень древнюю должность, колакретов (буквально – «разрезающих мясо», «резников»), имевших первоначально отношение к жертвоприношениям и бывших потом преимущественно заведующими денежной кассой.

Таков был в общих чертах строй Афин во время владычества эвпатридов.

Килонова смута, законодательство Драконта и экономический кризис

До второй половины VII в. до Р.Х. владычество эвпатридов в Афинах было незыблемым и не встречало противодействия. И в политическом, и в культурном, и в экономическом отношении Аттика отставала от других: ее соседи – Мегары, Коринф, Эгина – стояли тогда на первом месте, заслоняя ее. Но с середины VII в. в сферу того нового движения, которое происходило во многих греческих общинах и о котором мы уже говорили, была втянута и Аттика, тем более что вследствие ее географического положения и природы легко могли установиться тесные сношения между ней и приморскими городами Малой Азии и появиться класс торговых мореходов. Почва Аттики давала прекрасный материал для гончарного производства, для керамики. В VII столетии развился особый стиль – геометрический, иначе называемый стилем Дипилона, и центром производства были Афины. Археологические находки показывают, что афинская керамика проникла далеко на восток и на запад – во Фригию, на Кипр, в Сицилию, в Этрурию. В VI в. она уже вытесняет произведения других греческих городов, в том числе и знаменитые коринфские вазы. Бедная хлебом Аттика была богата оливками, и оливковое масло составляло важный предмет вывоза. Введение навкратий, о которых мы говорили, показывает, что уже сознавалась необходимость во флоте. Флот этот был, конечно, на первых порах небольшой. Есть известия, что уже в конце VII в. афиняне заняли Сигей, к югу от Геллеспонта на малоазийском берегу, и из-за него вступили в борьбу с митиленцами. Борьба на этот раз окончилась тем, что по приговору коринфского тирана Периандра, избранного в посредники, Сигей остался за Афинами. Очевидно, афиняне старались обеспечить сношения с Понтом. Вероятно, уже тогда они нуждались в подвозе иноземного хлеба.

Вообще, как мы видели, то было время, когда, с одной стороны, развивались промышленность, торговля, входили в употребление и получали большое значение деньги, возвышалась новая сила – демос, а с другой стороны, усиливались произвол и злоупотребления господствующей аристократии, тяжелый экономический гнет, от которого страдала масса земледельческого населения, и ее задолженность. Недовольство массы, брожение в ее среде, борьба со знатью, – все это создает благоприятные условия и почву для тирании, которая в ту эпоху составляла обычное явление в Греции.

Разгар этой борьбы в Афинах относится к более позднему времени; но ее зародыши и первые симптомы обнаруживаются еще во второй половине VII в. до Р.Х.

В 30-х гг. этого века молодой, знатный и богатый афинянин, по имени Килон, зять мегарского тирана Феагена, делает попытку овладеть властью в Афинах. С помощью друзей и данного ему тестем отряда в годовщину своей победы на Олимпийских играх он захватывает акрополь. Но против него поднялось население Аттики все поголовно, как горожане, так и сельские жители – последние под предводительством пританов навкраров, – и Килон с приверженцами был осажден. Осада затянулась. Большинство осаждающих разошлись, предоставив архонтам покончить с восстанием. Килон с братом успел бежать; приверженцы же его, которым грозила гибель от голода и жажды, сдались, положившись на обещание, что они будут пощажены. Но обещание было нарушено, и сторонники Килона избиты, причем некоторые из них погибли у самых алтарей богов.

Так неудачно кончилась попытка Килона. Недовольство и начинавшееся брожение в народе могло подать ему мысль о захвате власти, внушить смелость и надежду на успех. Но Килон не был защитником и вождем недовольного народа. По-видимому, он не постарался или не сумел приобрести доверие и опору в массе, слишком явно обнаружил свои тираннические, чисто эгоистические замыслы. В довершение всего он опирался на чужеземную помощь – и притом тирана – и, следовательно, в глазах большинства являлся врагом отечества.

Но эта неудачная Килонова попытка и ее подавление надолго оставили после себя тяжелый след в афинской истории. Положение дел не улучшилось, а, напротив, еще более ухудшилось. Началась продолжительная война с Мегарами, тиран которых Феаген мстил афинянам за неудачу Килона и гибель его приверженцев. Остров Саламин, расположенный у самого берега Аттики, перешел тогда в руки мегарцев. Аттика находилась как бы в блокаде; ее сообщения морем были крайне затруднительны, берега в опасности; сам подвоз хлеба, в котором она нуждалась, стеснен. В довершение всего угнетенное настроение овладело народом: при подавлении Килонова восстания совершено было святотатство – пролита кровь на священном месте, у жертвенника Эвменид, и народ ждал небесной кары за осквернение святынь и алтарей. Вина за произошедшее падала главным образом на архонтов, в особенности на тогдашнего первого архонта Мегакла из фамилии Алкмеонидов, руководившего подавлением Килонова восстания. Наконец, после долгого промежутка, когда многие из участников в этом святотатственном деле сошли уже в могилу, состоялся суд над святотатцами, причем судьями были 300 «лучших мужей». По их приговору трупы виновников были выброшены из могил, а род их предан вечному изгнанию²². Такая кара постигла Алкмеонидов, и так положено было начало разрыву между этой могущественной фамилией и остальной афинской аристократией. И долго еще потом будут припоминать Алкмеонидам их участие в святотатственном деле при подавлении Килонова восстания; во времена афинского законодателя Клисфена, из рода Алкмеонидов, Перикла, по матери происходившего от них, этим будут пользоваться их враги.

Существует предание, что в Афины для окончательного очищения города от «скверны» святотатства призван был Эпименид Критянин, мудрец и пророк, который и совершил ряд очистительных обрядов. Но личность Эпименида – полумифическая и рассказы о нем носят характер легендарный.

Тяжесть положения и зависимость демоса от эвпатридов немало увеличивало то обстоятельство, что в Афинах не было тогда еще писанных законов и суд находился в руках аристократии. К тому же существовавшее обычное право мало уже соответствовало новым условиям жизни, не удовлетворяло вновь назревшим потребностям. И первое требование, с которым выступил афинский демос и на которое согласились эвпатриды, было издание писанных законов.

²² О спорных вопросах см. в моей книге: *Бузескул В.П.* Афинская Полития Аристотеля как источник для истории государственного строя Афин до конца V в. Харьков, 1895. С. 296 сл. См. также статью: *Малинин А.А.* К вопросу об Алкмеонидах в I гл. «Афинской Политии» Аристотеля в связи с вопросом об Эпимениде Критянине // ЖМНП. 1908, ноябрь – декабрь.

Дело это было поручено Драконту, по-видимому, одному из фесмофетов, который издал законы в архонтство Аристехма²³, т. е., по всей вероятности, в 621 г. Кодекс Драконта целиком не сохранился. Но в конце V в. до Р. Х. по постановлению афинского народного собрания начертаны были на каменной стеле Драконтовы законы, касавшиеся убийства, и эта копия с оригинала VII столетия, в виде надписи, в обрывках, дошла до нас²⁴. Кроме того, имеются цитаты у ораторов и некоторые другие данные. Но все же мы не можем в точности сказать, кодифицировал ли Драконт лишь существовавшее право или же внес что-либо новое в него и что именно.

По Драконтовым законам судьями были в большинстве случаев эфеты. Не вполне выяснено, ввел ли их впервые Драконт, как сообщают некоторые источники, или они были и до Драконта. Эфеты выбирались в числе 51 из «лучших людей», конечно, знатных, имевших от роду не менее 50 лет. Их можно сравнить со средневековыми шеффенами, *boni homines*. Число эфетов – 51 – на первый взгляд несколько странное, проще всего объясняется по аналогии с последующими афинскими судами, дикастериями, состоявшими из 201, 501 и т. д. судей: имелось в виду избежать возможного равенства голосов при решении, и с этой целью введено было число нечетное.

Драконтово законодательство уже различает убийства по категориям. Так, суд по обвинению в преднамеренном убийстве происходил в ареопаге; но являлись ли тут судьями сами ареопагиты, как это было впоследствии, со времен Солона, или же эфеты, вопрос спорный²⁵. Если убийца был не известен или же смерть причинена была животным, каким-либо неодушевленным предметом, например упавшим камнем, деревом и проч., то обряд суда происходил в Пританее, где заседали «цари фил» под председательством архонта-басилевса. По окончании суда животное или предмет, причинивший смерть, извергались за пределы Аттики. Суд производили эфеты в Палладии, святилище Афины в Фалере, в случае убийства непреднамеренного или же подстрекательства; в Дельфинии, святилище Аполлона, – если убийство было «справедливое», т. е. дозволенное законом, например в случае самообороны, прелюбодеяния, во время состязания и т. п.; во Фреатто, на берегу моря, близ Пирея, – если убийство совершал изгнанный, причем в таких случаях обвиняемый защищался перед судом, не вступая на почву Аттики, а находясь в лодке. Суд над убийцей происходил вообще под открытым небом, дабы судьи не оскверняли себя, находясь под одним кровом с лицом, запятнанным кровью.

Солон отменил большую часть Драконтовых законов, но оставил в силе те из них, которые касались убийства. Один оратор конца V в. до Р. Х. называет уголовные законы Драконта «самыми древними в стране», которых никто никогда не осмеливался трогать. Но уже в IV в. Аристотель отмечает как характерную черту Драконтовых законов, их жестокость. Говорили, что Драконт почти за всякое преступление, даже за мелкое воровство, назначал смертную казнь. Современник Филиппа Македонского, оратор Демад, выражался, что Драконт писал свои законы не чернилами, а кровью. Выражение это стало ходячим.

В действительности, однако, было не совсем так. Мы видим, например, как по Драконтову законодательству убийство преднамеренное уже различается от непреднамеренного; за последнее назначается не смертная казнь, а изгнание; при этом допускается примирение с ближайшими родственниками убитого, а в случае неимения таковых – с представителями фратрии; убийство раба наказывается наравне с убийством свободного гражданина; наконец, с убийцей запрещается дурно обращаться.

²³ *Aristot. Ath. Pol.*, 4.

²⁴ См. собрание аттических надписей: CIA (= IG), I, № 61; Ditt. Syll 2., I, № 52; *Recueil des inscriptions juridiques grecques*, par O. Dareste, B. Haussoullier, Th. Reinach, 2^e serie. Paris, 1898, где имеется и французский перевод отрывков, и комментарий.

²⁵ *Lipsius J.H.* Das attische Recht und Rechtsverfahren. Bd. I. Leipzig, 1905. S. 20; ср.: *Busolt G.* Griechische Geschichte. 2 Aufl. Bd. II. Gotha 1895. S. 232 f.

Но тогда как обычная, распространенная традиция древности представляет Драконта законодателем только в области уголовного и гражданского права, в одной из глав «Афинской политики» Аристотеля ему или, по крайней мере, его времени приписывается особый политический строй. Эта «Драконтова конституция» была будто бы такова. Политические права принадлежали тем, кто имел оружие. Последние выбирали архонтов и казначеев из лиц, у которых свободного от долгов состояния было не менее 10 мин²⁶; на остальные, младшие должности выбирали из имевших оружие, а на высшие военные должности стратегов и гиппархов – из лиц, которые покажут, что обладают свободным имуществом не менее 100 мин и имеют от законного брака детей старше 10 лет; сверх того, от стратегов и гиппархов до сдачи ими отчета требовались особые поручители. Совет состоял из 401 – из избранных по жребию граждан. Как члены совета, так и прочие власти должны были иметь от рода более 30 лет, и одно и то же лицо не могло занимать должность вторично, прежде чем очередь обойдет всех. Если кто из членов совета пропустит заседание последнего или народного собрания, тот платит штраф: пентако-сиомедимн²⁷ – 3 драхмы, всадник – 2, а зевгит – 1. Ареопаг был стражем законов и наблюдал за тем, чтобы власти правили по законам; всякому потерпевшему несправедливость предоставлено было обратиться с жалобой в ареопаг с указанием закона, нарушенного по отношению к нему.

Итак, если верить этому свидетельству, еще до Солона политическими правами пользовались не одни эвпатриды, а все имевшие оружие; народное собрание, совет 401, жребий, отчеты должностных лиц, стратеги, господство тимократического начала, ценз, и притом для стратегов гораздо более высокий, чем даже для архонтов, деление на имущественные классы – все это оказывается существующим еще при Драконте!

Такова та «Драконтова политика», описание которой в глазах одних является своего рода перлом среди свидетельств Аристотелева трактата, а в глазах других – нелепостью. Вообще вопрос о ней один из самых спорных²⁸. Это изложение Драконтовой конституции находится в противоречии с некоторыми местами того же трактата об афинской политике и с остальной традицией древности, а главное наряду с чертами вполне правдоподобными – народным собранием, политическими правами «имеющих вооружение», требованием свободного от долгов состояния – оно содержит анахронизмы. Не говоря уже о жребии, об имущественных классах и т. п., о чем можно еще спорить, совершенно невероятно, чтобы во времена Драконта, в 20-х гг. VII в. до Р.Х., стратеги и гиппархи стояли выше архонтов, а так выходит по «Драконтовой конституции», так как от стратегов и гиппархов требуется ценз больший, нежели от архонтов; и что это не простая какая-либо описка лишь в цифрах, видно из того, что к этим лицам предъявляются еще особые требования: они должны иметь детей от законного брака старше 10 лет и представлять поручителей до сдачи отчета. Очевидно, стратегам и гиппархам придавалось значение большее, нежели архонтам. Это уже явный анахронизм. До V в. в Афинах в общем государственном управлении архонты занимали высшее место, а главное начальство над войском принадлежало полемарху.

«Драконтова конституция» представляет много сходных черт с теми олигархическими проектами, которые были распространены в Афинах в конце V в., в последний период Пелопоннесской войны. Она как бы выражает стремления и идеалы тогдашних афинских олигархов. Наконец, ее описание в Аристотелевом трактате плохо связано и не совсем согласуется с предыдущим и последующим текстом, пришито, так сказать, белыми нитками.

²⁶ Мину составляли 100 драхм, а 60 мин составляли талант. Драхма ок. 40 коп., а талант приблизительно 2400 руб. на наши деньги (рубль конца XIX в. – *Примеч. ред.*)

²⁷ Т. е. имевший дохода не менее 500 медимнов. Об имущественных классах см. ниже, где речь идет о реформе Солона.

²⁸ См. мою книгу: *Бузескул В.П. Афинская Политика Аристотеля...* С. 309 сл.

Поэтому мы склоняемся к выводу, что описываемая в «Афинской политике» «Драконова конституция» есть анахронизм, что описание это заимствовано из какого-либо олигархического источника конца V в. и составляет вставку, принадлежащую даже не Аристотелю²⁹.

Но как бы мы ни смотрели на Драконта, будем ли мы видеть в нем реформатора политического или нет, несомненно, что социально-экономических отношений он не коснулся. Между тем положение массы земледельческого населения в Аттике тогда было тяжелое. Помимо того «корыстолюбия и высокомерия» знатных, о котором говорит и Солон в своих стихотворениях, оно вызывалось, как мы видели, и более глубокими, общими причинами – тем кризисом, который происходил тогда в экономической жизни Греции вследствие перехода от натурального хозяйства к денежному, развития торговых сношений, привоза дешевого хлеба из других стран и проч. Многие земельные участки были заложены; на них ставились своего рода ипотечные знаки, закладные столпы (οροί) с обозначением имени займодавца и суммы долга. Число независимых мелких собственников уменьшалось.

«Государственный строй Афин был тогда во всех отношениях олигархический», – говорит Аристотель в своей «Афинской политике». «Бедные были в кабале у богатых сами и дети их, и жены. Назывались они пелатами и гектеморами (т. е. шестидольниками), «ибо за эту долю они обрабатывали поля богатых – вся же земля была в руках немногих – и в случае неисправных взносов обращались в рабство, и сами, и дети их. Займы заключались тогда под залог тела (т. е. личности), и так было вплоть до Солона, который первый явился простатом демоса. Тяжелее всего для большинства было находиться в кабале, но оно и всем остальным было недовольно, ибо ни в чем не имело доли». Выходит, что причины тяжелого положения массы и ее недовольства, по Аристотелю, были двоякие: политические – олигархический строй и обусловленное этим полное бесправие демоса – и социально-экономические.

В общем, такая же картина тяжелого положения земледельческого населения рисуется и у Плутарха. В то время, говорит Плутарх в биографии Солона, неравенство между богатыми и бедными достигло высшей степени, государство находилось в опасности и казалось, что только с установлением тирании можно восстановить спокойствие и прекратить смуту, ибо весь демос находился в долгу у богатых. При этом у Плутарха этот обремененный долгами демос разделяется на две категории: во-первых, на гектемориев (или гектеморов) и фетов, которые обрабатывают землю для богатых, платя, по словам Плутарха, «шестую часть» сбора, и, во-вторых, на лиц, которые, беря займы под залог «тела», становятся рабами своих займодавцев в случае неуплаты долга. «Многие принуждены были продавать даже собственных детей, – продолжает Плутарх, – ибо ни один закон не запрещал этого – и бежать из государства вследствие притеснений займодавцев. Большинство же – и притом наиболее энергичное – собиралось и призывало друг друга не терпеть долее такого положения, но, избрав вождем надежного человека, освободить должников, поделить землю и совершенно изменить строй государства».

В изложении наших источников в подробностях есть, конечно, преувеличения, неточности и неясности. Что такое, например, «гектеморы»³⁰? Судя по всему, это не были арендаторы или фермеры, как их часто называли; это и не сельские наемные рабочие, получавшие за свой труд натурой известную часть жатвы. В гектеморах скорее всего можно видеть или половников (métayer), или людей, ставших в силу экономических условий полужависимыми, своего рода колонов. Гектеморы находились в некоторой как бы наследственной зависимости от богатых, были людьми полусвободными; в случае же неисправности в платеже им грозило лишение и той

²⁹ Я не вижу основания отказываться от этого мнения, высказанного в 1895 г. в моей книге об «Афинской политике», хотя оно и встретило возражения. Недавно к такому же выводу пришел У. Вилькен: *Wilcken U. Apophoreton*. Berlin, 1903.

³⁰ *Guiraud P. La propriété foncière en Grèce*. Paris, 1893. P. 421 ss. Вопрос о гектеморах имеет свою литературу. См. в моей книге: *Бузескул В.П. Афинская Политика Аристотеля...* С. 303 сл. Из новейших исследований см.: *Swoboda H. Beiträge zur griechische Rechtsgeschichte // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte*. 1905.

доли свободы, которой они еще пользовались, уже полное рабство и продажа хотя бы даже на чужбину. Между ними могло быть немало и прежних земельных собственников, которые заложили свои земли или вынуждены были уступить их заимодавцам, оставшись на них в качестве гектеморов и работая на богачей. Но если гектеморы платили известную часть жатвы, то как объяснить их задолженность по отношению к землевладельцам? По-видимому, им – особенно при неурожае – иногда не хватало на жизнь или на посев, и они вынуждены были брать себе из доли владельца. Аристотель, нужно заметить, распространяет, очевидно, на гектеморов то, что скорее относится к другой категории бедствовавшего населения, упоминаемой у Плутарха, свидетельство которого тут заслуживает предпочтения по большей отчетливости, разумительности и внутреннему правдоподобию. Какую долю получали гектеморы, т. е. $\frac{1}{6}$ или $\frac{5}{6}$ урожая, – тоже давний и спорный вопрос. Название «шестидольники» по-гречески само по себе не может служить тут указанием: оно равно применимо и к тем, кто отдает, и к тем, кто оставляет себе шестую долю. Показания же источников расходятся: Плутарх, как мы видели, ясно говорит, что гектемории платили шестую долю; другие выражаются неопределенно; есть известия, что гектеморам шла лишь шестая часть. В правильности показания Плутарха можно сомневаться. Дело в том, что положение гектеморов изображается в наших источниках как особенно тяжкое, бедственное; спрашивается, могло ли быть оно таким, если бы гектеморы отдавали всего только $\frac{1}{6}$, а в свою пользу оставляли $\frac{5}{6}$? Вопрос до сих пор остается открытым. Для надлежащего решения его необходимо более точное и близкое знание условий тогдашнего хозяйства в Аттике, чем то, каким мы располагаем при данных источниках.

Когда Аристотель говорит, что «вся земля была в руках немногих», или Плутарх выражается, что весь демос находился в долгу у богатых, то это – преувеличение, что доказывается существованием во время Солона целого класса не крупных землевладельцев, зевгитов (о которых подробнее еще придется говорить), и свидетельством самого Солона, говорящего о снятии им столпов, орои, и освобождении таким образом «матери-земли»: очевидно, существовали еще мелкие и средние земельные владения, хотя и заложенные. Сам борьба демоса с эвпатридами и ее исход, последующее торжество демократии в Афинах – все это было бы непонятно, если бы во второй половине VII в. в Аттике были одни крупные землевладельцы и колонны или сельские пролетарии и не было значительного среднего землевладельческого класса, хотя и переживавшего тяжелый и опасный кризис.

Но, в общем, картина положения дел, написанная Аристотелем и Плутархом, соответствует той, которую рисует в своих элегиях современник-очевидец и деятель эпохи – Солон. «Город наш, – говорит он в одном из своих стихотворений, – по воле Зевса и по мысли других блаженных бессмертных богов никогда не погибнет; такой великодушный хранитель, как дочь могучего отца» (Зевса), Паллада Афина, свыше простирает над ним свои руки. Но великий город хотят погубить своим безрассудством, слушаясь корысти, сами граждане и незаконный дух вождей народа... Богатеют они несправедливыми делами. Не щадя ни священного, ни народного достояния, они крадут, грабят, один там, другой здесь, и не хранят священных основ Правды. Безысходная беда уже постигает все государство, и оно быстро попало в злое рабство, которое возбуждает междоусобицы. Враждующие терзают возлюбленный наш город в собраниях, дорогих для тех, кто поступает несправедливо. Таковы бедствия в народе, а из бедных многие приходят в чуждую землю, проданные, связанные позорными оковами. Так общественное бедствие вторгается в дом каждого; перед ним нельзя запереть двери; оно переступает через высокую ограду, найдет всюду, даже в глубине спальни». И Солон говорит о поставленных всюду «столпах», о поработенной «матери-земле», о многих проданных или бежавших из-за нужды на чужбину, долго скитавшихся и забывших свой язык или терпевших рабство у себя на родине, о стремлении к разделу земли, к тому, «чтобы всем иметь равную ее часть».

Итак, задолженность земледельческого класса и крайняя нужда, рабство должников, резкое деление тогдашнего общества на два враждующих лагеря – с одной стороны народа, демоса, с другой – знатных и богатых, с их корыстолюбием и высокомерием, мечты о разделе земли, это засвидетельствовано и Солоном³¹.

Атика переживала тяжелый кризис. Демос восстал против знатных. Крайняя партия из недовольных и обездоленных стремилась к коренному политическому и социальному перевороту. Тогда впервые раздалось требование: «Земля массе, народу»³².

Солон

В этот критический момент выступает на историческое поприще идеальная по благородству и бескорыстию своих стремлений личность – Солон.

По происхождению Солон был очень знатного рода – из той фамилии Медонтидов, к которой принадлежали прежние афинские цари, и древние считали его Кодридом, т. е. потомком Кодра; но он не был богат и по своему положению и состоянию принадлежал к «средним» гражданам. Есть известие, что Солон занимался торговлей. Далекими путешествиями, частью по торговым делам, частью из любознательности, он расширил свой умственный кругозор. Стремление к знанию никогда не покидало его, даже в старости. «Старею я, – говорил он о себе, – но постоянно многому учусь».

По Плутарху, Солон обратил на себя внимание прежде всего своим знаменитым стихотворением по поводу Саламина и возвращением этого острова, который находился в руках мегарцев и который был так необходим афинянам ввиду его географического положения, затем – возбуждением Священной войны в защиту интересов Дельф и, в-третьих, деятельностью, направленной к успокоению населения, встревоженного святотатством, которое совершено было при подавлении Килонова восстания: именно Солон будто бы побудил Алкмеонидов подчиниться суду. Что касается Саламина, то действительно есть основание думать, что он в ту пору, при участии Солона, перешел в руки афинян. Участие же Солона в Священной войне и в умиротворении умов после Килонова восстания, вероятно, легенда.

Но Солон был поэт и в своих стихотворениях живо отзывался на события; он ярко выражал в них свои идеалы, стремления, свою скорбь при виде общественных бедствий, борьбы партий и проч. В том большом стихотворении, отрывок из которого мы раньше приводили для характеристики положения дел в Афинах, можно видеть его как бы «политическую программу»: Солон говорит в нем о бедственных последствиях «дисномии», беззакония, и изображает благотворное действие «евномии», законности, которая всюду водворяет порядок и согласие, сглаживает шероховатости, смягчает высокомерие и последствия вражды, умиряет гнев и ненависть. Сам эвпатрид, Солон, однако, не причислял себя к партии знатных. В одном стихотворении он убеждает богатых не быть алчными, причем отделяет себя от них: «Вы, преисполненные многими благами, укротите непреклонное сердце и умерьте гордый дух; ибо и мы вас не послушаем, и у вас не все будет идти гладко». Вообще вину в раздорах Солон возлагал больше на богатых: он боялся их «корыстолюбия и высокомерия», видя в этом причину возникшей вражды. По его мнению, если бы каждому было предоставлено то, что ему принадлежит по справедливости, то не было бы и раздоров: «Справедливость войны не порождает». В одной элегии Солон говорил о «скорби, проникающей в глубину его сердца, когда он взирает на старейшую землю Ионии», т. е. Атику, раздираемую борьбой. По словам Аристотеля,

³¹ Поэтому в сообщениях Аристотеля и Плутарха нельзя видеть лишь «социальную легенду», «формулу, лозунг радикально-социалистических партий в греческих общинах с конца V в. до Р. Х.» (Виннер Р.Ю. Лекции по истории Греции. М., 1905. С. 65—67; ср. мою статью: *Бузескул В.П.* Рец. на книгу: *Виннер Р.Ю.* Лекции по истории Греции. М., 1905 // ЖМНП. 1905, октябрь).

³² *Pöhlmann R. von. Geschichte des antiken Kommunismus und Sozialismus. Bd. II. München, 1901. S. 148 f.*

цитирующего начало этого стихотворения в своей «Афинской политике», Солон обращается к обеим партиям, нападает и тут же заступает за ту и другую и затем убеждает сообща прекратить возникший спор. По Аристотелю, эта-то элегия, проникнутая любовью к родине, печалью при виде раздоров, являющаяся призывом к примирению, к взаимным уступкам и справедливости, обратила всеобщее внимание на Солона и побудила афинян избрать его в архонты и законодатели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.